

Публикуются на сайте с разрешения правообладателя.
[«Люби Россию в непогоду»](#) (2006) Публицистика (М., Вагриус, 2006)

Борис Васильев

ХОЗЯЕВА И ХОЛОПЫ.

Л.Н. Толстой не признавал в классовой борьбе никакой движущей силы, считая любые смуты помехой нормальному развитию общества. Ну, не дозрел русский гений до немецких кабинетных теорий, за что, как мне кажется, и был объявлен Лениным «Зеркалом русской революции». Отражающим нечто само собой разумеющееся, и не более того.

Дядя моей матушки Василий Иванович Алексеев был учителем старшего сына Льва Николаевича Сергея. Атеист и видный народник стал не просто другом великого писателя, но и первым толстовцем в истории русского общественного движения. Кстати, ему принадлежит честь спасения «Евангелия» Толстого, рукопись которого – в единственном экземпляре! – Толстой дал ему почитать, а Василий Иванович за ночь переписал двадцатилетний труд Льва Николаевича, и когда Синод, куда Толстой послал свое «Евангелие» (наивность – свойство гения), навечно положил его труд под сукно, Алексеев переслал «Евангелие» в Париж, где оно и было напечатано.

Но это – к слову. Еще в детстве мама рассказала мне о беседе ее дядюшки с Толстым. И этот разговор застрял во мне, как откровение, я помню его до сей поры, почему и позволю себе его пересказать. Уж очень он, как мне кажется, объясняет многие вопросы нашей современной жизни.

Итак, представим себе середину осени в Засеке, шелест опавших листьев под ногами и неторопливый разговор двух интеллигентов конца девятнадцатого века...

- Я не могу поверить в классовую теорию Маркса, потому что он видит общность социальных интересов там, где никакой общности быть не может. Не может изначально, поскольку на свете нет двух одинаковых людей. Не рождаются они таковыми или таковыми не становятся, не суть. Суть в том, что, с моей точки зрения, люди делятся не на крестьян, дворян, разночинцев или «Иванов, не помнящих родства своего», а лишь по запасу личной нравственности.

- Нравственность – результат семейного воспитания.

- Крестьянское воспитание основано на религиозной морали, дворянское – на хлопотах гувернеров и гувернанток. Что, разве не встречали высоконравственных крестьян или беспутно безнравственных дворянских детей? Встречали, неоднократно встречали. Стало быть, кроме воспитания в

младенца закладывается еще что-то, которое является стержнем его существа, и все дальнейшее воспитание наматывается на этот стержень.

- Это слишком уж рациональный подход.

- Не спешите с выводами. Я путем наблюдений и размышлений пришел к убеждению, что все люди в конечном итоге делятся только на хозяев своей жизни и на ее холопов. Хозяин способен поставить перед собою цель, которой и добивается впоследствии. Холоп плывет по течению, стремясь только уцелеть. У него нет никакой иной цели, для него не существует Отечества с его историей, ему будет уютно плыть и в водах зарубежных, только бы не пойти ко дну. В конечном итоге для него нет представления даже о семье, которую он может бросить в любой момент, а коли не бросает, то не из чувства ответственности, а из чувства страха перед нею. Общественное мнение, пересуды, неудовольствие окружающих и тому подобное. От этого в первую очередь страдают женщины и ни в чем неповинные дети. А приоритет совести в хозяине превышает по своему значению понятия "люблю - не люблю", то есть, свои, личные мотивы.

- Абстрактно сие. От ума.

- Сейчас сделаем конкретным, приведя примеры. Ну, скажем, хозяин никогда и ни при каких обстоятельствах не возьмет чужого, будь то лесина из чужого леса или бумажник, набитый червонцами. Не украдет, проще говоря. И не потому не украдет, что боится закона, а потому, что закон «Не укради» заложен в душе его. Далее. Хозяин никогда не солжет, потому что ложь унижает, а у него есть цель, которой не достигнуть с душою, однажды униженной. Чистота души для него важнее всех соблазнительных пороков, вместе взятых. Еще пример. Для хозяина любой труд – наслаждение, тогда как для холопа труд – каторга, наказание Господне. Он либо всяко отлынивает от него, либо исполняет порученное кое-как, спустя рукава. Хозяин ищет себе занятия, тогда как холоп ищет себе удовольствий. Были в Европе и заметили, поди, что там с удочками не сидят над речкой. Почему не сидят? Потому что процветание нации зависит не от правительства и не от идей, а только от твоего личного труда. Крепостное право из года в год перенасыщало Россию холопами, а есть некая пропорция между количеством хозяев и количеством холопов, превысив которую нация теряет внутренний импульс к наращиванию собственной жизнеспособности. Не по этой ли причине и гибнут великие нации?

- Вы считаете крепостное право благом?

- Одну его сторону мы можем смело назвать благом. В нашем веке не было ни одного повального голода, хотя неурожаи случались довольно часто. Почему не было? Да потому, что никакой самый жадный хозяин не даст помереть своим батракам. Отменили крепостное право – получили страшный голод. Знаю, занимался этим. Причина? Превышение нормы холопствующих, желающих взять от жизни все, ничего не дав ей взамен.

Вот, что я в детстве запомнил, а позднее – записал.

Рабство – даже в смягченном виде крепостной зависимости – накладывает отпечаток как на рабов, так и на рабовладельцев. Рабовладельцы приобретают чувство безнаказанности и презрение к праву личности, рабы – холопскую зависимость от хозяев, как бы они при этом не назывались. А на Руси это рабство длилось тысячу лет, то есть, согласно демографии – более тридцати поколений, если считать три поколения на век. Тридцать поколений покорных рабов и сегодня дышат в затылки нам, их потомкам. Да и освободили-то русских крепостных не в результате крестьянских войн, как то было, к примеру, в Германии и Франции, а повелением сверху императора Александра 2-го.

А через 57 лет к власти пришли большевики. И через два десятка лет после их воцарения начался небывалый в истории и неизвестный более ни в одной стране разгром крестьянства. Наиболее активных и работающих расстреливали и ссылали, а тихих и осторожных загнали в трудовые поселения (колхозы), покидать которые им было строго-настрога запрещено. При этом их на долгое время – на тридцать лет! – лишили даже паспортов.

Из колхозов бежали всеми возможными способами. Призванные в армию после службы в большинстве своем вербовались на стройки, уходили на заводы и фабрики, а деревня теряла не только рабочие руки, но и завтрашних отцов семейств. Что, в свою очередь, заставляло девушек тоже любыми средствами бежать в города, на стройки, в Сибирь, за Урал – да хоть к черту на рога! - лишь бы уйти из беспрерывно пустующих деревень. Советская власть обрекла крестьянство – свою основу и своего кормильца – на вымирание и на пассивную и бесконечную борьбу за личную свободу.

И молодежь либо спивалась в колхозах, либо попадала в условия чуждой им городской культуры. А церковь, являвшаяся столпом крестьянской нравственности, была разгромлена, а деды с бабками остались в деревне, и мы в результате закабаления крестьянства получили огромную, исчисляемую многими миллионами массу людей, стоящих одной ногой в деревне с ее генной памятью о барине, а второй – шаткой и неуверенной – в городе с разгромленной большевиками интеллигенцией, где правил бал городской мещанин со своими вкусами, запросами и своим пониманием, как надо жить, чтобы ВЫЖИТЬ,

И Россия перестала жить. Она начала ВЫЖИВАТЬ.

А первое условие выживания на собственной утраченной Родине – терпеть, приветствовать и не спорить. То есть, жить так, как жили их деды и прадеды. Тишком. Превратившись в холопов.

А второе условие выживания – не надрываться на работе, поскольку плоды ее тебе не принадлежат. Перекуривать ее по возможности.

А третье условие – просить барина, как бы он сегодня не назывался. Просить пособий, помощи, льгот да хоть кулек конфет для ребятишек.

А четвертое – воровать, что под руку попадет, как только барин или его надсмотрщик отвернутся. Тащить все, что плохо лежит.

Все это – черты холопства, реанимированного заботами и неустанными хлопотами родимой Советской власти.

- Ты меня уважаешь?

Где, в какой стране, в какой точке Земного шара зададут этот вопрос после второго стакашка родимой водочки? В какой стране воздвигнут Мавзолей человеку, уничтожившему собственную Родину? Расстрелявшему твоих отцов, загнавшему твоих братьев в концлагерь? Это возможно только у нас, в России, в стране возрожденного холопства и настолько к нему привыкшего, что встречает всех остальных (не холопов) с огромным недоверием, неприязнью, недоброжелательством, а зачастую и с ненавистью, как то случилось на наших глазах с таинственными «лицами кавказской национальности».

Ну, повезло жителям Кавказа: они не знали крепостного права. Они никогда не были холопами и, что важнее, никогда не ощущали себя холопами. Отсюда их предприимчивость, дерзость и чувство собственного «Я». Попав на Кавказ в середине прошлого столетия, Александр Дюма ахнул, повстречавшись с горцами:

«Какая невероятная разница между смиренными крестьянами России и этими суровыми, полными достоинства горцами в с изодранных черкесках, но непременно с дорогим кинжалом за поясом!»

Мне нелегко говорить об этом, поверьте. Но существует строгая пропорция между количеством хозяев жизни и количеством холопов. И меня не оставляет горькое чувство, что мы подошли к порогу этой пропорции.

Один пример. По 1-й программе ТВ сообщили, что расторопные петербуржцы уже изготовили букварь о детских годах маленького Вовочки. Из лучших холопских побуждений: ничего подобного никогда не издадут ни во Франции, ни в Америке, да ни в одной стране мира, за исключением КНДР. Что-то липкое закапало вдруг в нашем царстве-государстве.

Имя этой приторной влаги – холопская тоска по барину.